

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

І Ю Л Ь.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Откуда родомъ была святая великая княгиня русская Ольга? Сообщ. архимандр. Леонидъ. 215	VII. Михаилъ Мирилловичъ Бобровскій. Историко-биографическій очеркъ. 1784—1848 89
II. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морскаго министра. Гл. XI. Сообщ. Л. М. Чичаговъ. 1	VIII. Василій Трофимовичъ Нартъинный. Историко-биографическое изслѣдованіе. Очеркъ второй. Состав. Н. Бѣлозерская. 117
III. Марія Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н. А. Бѣлозерской. Сообщ. Н. А. Трахтмовскій. 25	IX. Бой подъ Зивинюмъ въ Азіатской Турціи, 13 іюня 1877 г. Сообщ. А. М. Войновъ. 149
IV. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 49	X. Владиміръ Александровичъ Черняскій, какъ устроитель Болгаріи. Сообщ. Д. Г. Анучинъ. 179
V. Письмо Н. В. Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому, 1847 г. Сообщ. В. И. Шенрокъ. 47	XI. Изъ воспоминаній полковника Мевіуса о горномъ корпусѣ 1812 г. Сообщ. П. Дева. 22
VI. Записки Д. М. Ростиславова, профессора спб. духовной академіи. Гл. XXIII 63	XII. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Рисоваль профессоръ Ѳ. Г. Солдцевъ, гравиров. художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1888 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1888 Г.

ИЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1888.

Откуда родомъ была св. великая княгиня русская Ольга?

О родѣ супруги Игоровой великой княгини Ольги, безсмертной въ нашей исторіи по многимъ отношеніямъ, до сихъ поръ не сказано было еще ничего рѣшительнаго.

М. П. Погодинъ.

Прочтя вопросъ, поставленный въ заглавіи нашей статьи, нѣкоторые скажутъ: да развѣ на этотъ вопросъ не дать утвердительнаго отвѣта наша первоначальная (Несторова) лѣтопись, гдѣ подъ 903 годомъ читаемъ слѣдующее: „Игорови же возрасташю и хождаше по Олзѣ, и слушааше его. И приведоша ему жену отъ Плескова“ (вариантъ отъ Пскова)¹⁾. Вслѣдъ за лѣтописью то же повторяетъ проложное (краткое) житіе св. Ольги, говоря: „Ольга родомъ Плесковитянина“. Не оспаривая лѣтописнаго сказанія о рожденіи св. Ольги въ Плесковѣ, нельзя, однако, имъ удовлетвориться, зная, что въ началѣ X столѣтія былъ лишь одинъ Плесковъ, городъ въ Болгаріи, по свидѣтельству Кодина²⁾

¹⁾ Вариантъ этотъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ (1377 г.) едва ли можетъ быть приписанъ Нестору. Скорѣе онъ принадлежитъ писцу XIV вѣка, которому названіе Псковъ было извѣстно лучше, чѣмъ Плесковъ, а это показываетъ, что уже въ XIV вѣкѣ послѣднее сдѣлалось вѣжливымъ, уступивъ мѣсто первому, народному—Псковъ. Переписчикъ Лаврентьевскаго списка не мудрено было и не разобрать неизвѣстнаго слова, ибо подлинникъ, съ котораго онъ списывалъ, какъ извѣстно, былъ „ветшанъ“.

²⁾ Есть и болгарское свидѣтельство о Плесковѣ. Это замѣтка перевода XIV вѣка лѣтописи Манассія въ синодальномъ спискѣ (№ 38), гдѣ противъ описанія болгарскихъ событій въ царствованіе царей Василія и Константина (976—1028) на поляхъ написано по болгарски: „съи Василіи црь разби Самонло Царь Влгаромъ во дващи (двукратно) и прѣвѣхъ Вдинъ (Видинъ), Писка (Плесковъ), великъ Прѣславъ и малыи и прочѣа грады“.

построенный Константиномъ Великимъ близъ Преславы, нынѣ Эсви-стамбуль (Шафарикъ, т. II, кн. 1, стр. 361), тогда какъ о существованіи русскаго Плескова, отождествляемаго лѣтописью со Псковомъ, нѣтъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ.

Нынѣшній Псковъ (если онъ, дѣйствительно, имѣетъ какое-либо отношеніе къ древнему Плескову), по всѣмъ соображеніямъ, могъ быть построенъ развѣ при Ольгѣ, во время ея поѣздки по Новгородской области, въ память ея роднаго города Плескова. Предположеніе это имѣетъ опору въ свидѣтельствѣ первоначальной лѣтописи; легенда же „о Выбутской вѣси“, какъ извѣстно, принадлежитъ къ цѣлу мѣстныхъ легендъ позднѣйшаго времени, когда св. Ольга уже сдѣлалась героиней народныхъ сказокъ. Въ XVI вѣѣ появилось въ русской письменности пространное житіе св. Ольги (Степенная книга, 1, 6), въ которомъ говорится утвердительно (какъ будто это было уже доказано), что св. Ольгу... „произведе Плесковская страна, иже отъ области Царствія Русскія земли (ясно, что здѣсь разумѣется Псковская страна) отъ вѣси, именуемая Выбутской, близъ предѣлъ Немѣческія власти жителей, отъ языка Варяжска, отъ рода ни княжеска и ни вельможеска, но отъ простыхъ людей“; но говорится все это голословно, безъ всякихъ ссылокъ на какое-либо письменное свидѣтельство, на основаніи мѣстныхъ преданій, ни кѣмъ и ничѣмъ не провѣренныхъ. Житіе это приписывается (по надписанію на одномъ изъ списковъ) извѣстному Сильвестру іерею, сперва Новгородскому, а потомъ Московскому.

Такое бездоказательное мнѣніе о мѣстѣ родины св. Ольги, однако-же, было принято послѣдующими писателями русской исторіи, безъ всякихъ возраженій, единственно, какъ надо полагать, потому, что доселѣ не имѣлось въ виду ни одного письменнаго свидѣтельства о томъ, чтобы до написанія упомянутаго выше пространнаго житія, т. е. до XVI столѣтія, существовало у нашихъ предковъ иное мнѣніе объ этомъ предметѣ, поясняющее или дополняющее сказаніе о семь нашей первоначальной лѣтописи.

Занимаясь описаніемъ рукописей покойнаго графа А. С. Уварова, въ прошломъ году я нашелъ, въ одномъ историческомъ сборникѣ второй половины XV вѣка, отрывокъ изъ древняго

лѣтописца (который по своему содержанию можетъ быть названъ Владимірскимъ), гдѣ описываются въ сжатомъ видѣ событія русской исторіи съ 862 по 1174 годъ (до смерти в. кн. Андрея Боголюбскаго). Неизвѣстный составитель этого лѣтописца (начинающагося родословіемъ русскихъ князей до 1490 г.) въ изложеніи событій слѣдуетъ, очевидно, указаніямъ нашей первоначальной лѣтописи, но замѣтно уклоняется отъ повторенія всѣхъ легендарныхъ сказаній, встрѣчающихся на первыхъ годахъ оной, а мѣстами дѣлаетъ весьма дѣльные и любопытныя дополненія и поясненія нѣкоторыхъ мѣстъ своего главнаго источника.

Таково именно и поясненіе его, относящееся къ тому мѣсту первоначальной лѣтописи, гдѣ говорится о мѣстѣ родины св. Ольги. вмѣсто дословнаго повторенія записи первоначальной лѣтописи подъ 903 г., что Олегъ взялъ своему воспитаннику и сроднику Игорю жену изъ Плескова, именемъ Ольгу, лѣтописецъ XV вѣка пишетъ: „Игоря же (Олегъ) жени въ Болгарѣхъ, поятъ за него княжну именемъ Олгу. И бѣ мудра велми“. (Далѣе слѣдуетъ описаніе похода Олега на Царьградъ).

Итакъ, вотъ письменное свидѣтельство, идущее изъ XV вѣка, о томъ, что еще до написанія пространнаго житія св. Ольги (въ XVI вѣкѣ), и прибавимъ въ Новгородской области, русскій лѣтописецъ во Владимірской области зналъ, что св. Ольга была родомъ изъ Болгаріи и происходила не изъ поселянокъ, а была болгарская княжна. А изъ этого уже само собою истекаетъ заключеніе, что подъ Плесковымъ первоначальнаго лѣтописца онъ имѣлъ причины разумѣть не Псковъ, а тотъ древній болгарскій городъ Плесковъ, который былъ основанъ, какъ упоминается выше, Константиномъ Великимъ.

Если же нынѣшній Псковъ и назывался въ древности Плесковымъ, то не потому, чтобы онъ былъ родиною св. Ольги, а развѣ потому, что онъ былъ основанъ по волѣ св. Ольги и названъ Плесковымъ въ честь ея роднаго города въ Болгаріи, въ память родамъ родовъ о посѣщеніи великою княгинею правительницею Руси, Новгородской области.

При этомъ предположеніи, находящемъ себѣ опору и въ мѣстныхъ преданіяхъ, пожалуй, нѣтъ ничего недостовернаго въ

лѣтописномъ извѣстїи, что сани Ольги хранились въ Плесковѣ еще во время написанїя лѣтописи, т. е. въ XII вѣкѣ¹⁾.

А народное чувство плесковитянь въ ту эпоху, когда св. Ольга сдѣлалась героинею народныхъ легендъ, въ память благодѣяній княгини, пользуясь тождествомъ своего названїя съ дѣйствительною родиною Ольги, для возвеличенїя своего роднаго города, конечно, не затруднилось перенести на него прерогативу древняго Плескова, прославивъ свой родной Псковъ—въ легендахъ и пѣсняхъ, какъ настоящую родину св. княгини.

Замѣтимъ, однако, что того мѣста первоначальной лѣтописи, въ которомъ говорится о хожденїи Ольги въ Новгородскую область и оканчивается замѣчанїемъ, что „сани Ольги стоятъ въ Плесковѣ даже до сего дне“—нѣтъ въ Переяславскомъ лѣтописцѣ, составленномъ, какъ видно, по Кїевской лѣтописи въ началѣ XIII вѣка (дошедшей до насъ въ спискѣ XV вѣка). Изъ этого можно заключить, что вышеупомянутаго мѣста въ первоначальной лѣтописи (написанной въ XII вѣкѣ) тоже не было, а что оно (если не все, то конецъ онаго) есть вставка въ лѣтопись изъ мѣстныхъ преданїй Новгородско-псковской области, появившаяся не ранѣе XIV вѣка, когда Ольга (спустя болѣе 300 лѣтъ послѣ кончины) уже сдѣлалась героинею народныхъ легендъ. А межъ тѣмъ на этой-то именно вставкѣ только и основывается заключенїе о тождествѣ нынѣшняго Пскова съ лѣтописнымъ Плесковымъ. Этого мѣста не находится также и въ приведенномъ нами ниже отрывкѣ изъ Владимїрской лѣтописи, основанномъ на Кїевской лѣтописи, но, также какъ Переяславская, самостоятельной, ибо сочинитель оной тщательно уклоняется отъ повторенїя всего легендарнаго.

Но какъ бы то ни было (то есть вставлено ли мѣсто лѣтописи о саняхъ Ольги, указывающее на тождество нынѣшняго Пскова съ Плесковымъ, въ первоначальную нашу лѣтопись въ XII, или гораздо позже, т. е. въ концѣ XIV вѣка), для затронутаго нами вопроса о мѣстѣ рожденїя св. Ольги достаточно и того свидѣтельства, что еще въ XV вѣкѣ наши лѣтописцы не

¹⁾ „Иде Вольга Новогороду и оустави по Мѣстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья и мѣста и повосты. И сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дни“ (Несторова лѣтопись, стр. 31).

изъ Новгородско-Псковской, а изъ срединной Руси, на основаніи, конечно, письменныхъ свидѣтельствъ, имъ извѣстныхъ, знали, что святая Ольга была родомъ изъ Болгаріи и изъ рода княжескаго, не отвергая, впрочемъ, того сказанія первоначальной лѣтописи, въ которомъ Ольга значится родомъ изъ Плескова. А что Плесковъ былъ древній городъ въ Болгаріи, ничего общаго съ нашимъ Псковомъ не имѣющій, они могли знать это изъ вышеуказаннаго нами славянскаго источника (переводъ лѣтописи Манассіи XIV вѣка).

Вообще ясно, что мнѣніе относительно родины св. Ольги до самаго XVI вѣка, въ которомъ явилось пространное житіе (написанное, какъ извѣстно, въ Новгородѣ іереемъ Сильверстомъ), куда бездоказательно вошли мѣстныя легендарныя преданія о св. Ольгѣ, не было общепринятымъ въ нашей древней письменности.

А для убѣжденія въ томъ, что лѣтописецъ XV вѣка сдѣлалъ, какъ вышеприведенное, такъ и прочія свои поясненія и дополненія къ первоначальной лѣтописи, не голословно, а на основаніи другихъ старыхъ лѣтописцевъ, до насъ не дошедшихъ, стоитъ лишь внимательно прочесть весь этотъ отрывокъ сокращенной его лѣтописи, для чего мы и помѣщаемъ оный въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Признавъ же, согласно со свидѣтельствомъ лѣтописца XV-го вѣка, болгарское происхожденіе Ольги, мы получаемъ черезъ то иное болѣе достовѣрное и цѣлесообразное освѣщеніе важнѣйшаго изъ событій нашей древней исторіи: принятія ею христіанской вѣры; при чемъ, хотя отрывочныя, но достаточно опредѣленныя извѣстія о ея духовномъ наставникѣ и спутникѣ въ Царьградѣ, болгарскомъ пресвитерѣ мнихѣ (іеромонахѣ) Григоріи, приобрѣтають полную достовѣрность и наводятъ на многія заключенія.

Болгарскій пресвитеръ-монахъ Григорій, бывшій сотрудникъ болгарскаго царя-книголюбца Симеона, мужъ просвѣщенный, переводчикъ двухъ греческихъ хроникъ: Георгія Амартола ¹⁾ и

¹⁾ Въ древнѣйшемъ доселѣ извѣстномъ у насъ спискѣ хроникъ Георгія Амартола (бывшій Троицкой, нынѣ въ библиотекѣ московской духовной академіи) XIII вѣка съ лицевыми изображеніями есть изображеніе Спасителя, сѣдѣющаго на престолѣ, а на подножіи престола есть почти незамѣтная и

Юанна Малала, оставившій Болгарію, по смерти Симеона, и очутившійся при дворѣ русской княгини Ольги,—личность, доселѣ не вполне выясненная. Теперь-же, когда сдѣлалось известнымъ о болгарскомъ происхожденіи Ольги, появленіе при языческомъ дворѣ Ольги болгарскаго пресвитера-мниха, сдѣлавшагося главнымъ наставникомъ ея въ христіанствѣ, а вѣроятно и высшей политикѣ,—поясняетъ очень многое, казавшееся доселѣ неяснымъ въ ея дѣйствіяхъ.

Пресвитеръ-мнихъ Григорій сопровождалъ Ольгу въ ея поѣздѣ въ Царьградъ, и здѣсь, какъ мужъ просвѣщенный и знакомый съ языкомъ и обычаями грековъ и церемоніями византійскаго Двора, былъ ей не только полезенъ, но, можно сказать, и необходимъ¹⁾. Императоръ Константинъ Багрянородный, описывая приемъ Ольги при его дворѣ, вовсе умалчиваетъ о ея крещеніи; поэтому нѣкоторые и полагаютъ, что Ольга была тайной христіанкой еще до своей поѣдки въ Царьградъ, куда она, по нашему мнѣнію, и ѣздила не для крещенія, а чтобы утвердить свое великое дѣло принятія христіанства и получить отъ Византіи то, что сія послѣдняя давала правителямъ ея родины—Болгаріи, „Цесарское вѣнчаніе“.

Желаніе Ольги не исполнилось: она получила отъ цесаря лишь титулъ архонтиссы, а не царицы. Таковъ, по нашему мнѣнію, настоящій смыслъ лѣтописной легенды (см. лѣтопись

мельчайшая надпись: „многогрѣшный рабъ Божій пресвитеръ Григорій“. Въ Переславскомъ лѣтописцѣ, напечатанномъ княземъ М. Оболенскимъ (Москва, 1861 года) замѣчено, что въ Несторовой выпискѣ изъ хроникъ Георгія Амартола сказано: „яко-же Григорій рече въ лѣтописаньи“, кн. М. Оболенскій догадывается посему, что болгарскій переводъ хроникъ Георгія Амартола принадлежитъ тому же пресвитеру Григорію, который, какъ известно, перевелъ хронику Юанна Малала. Догадка его, на основаніи открытой нами надписи, оказывается справедливою.

¹⁾ Что наша великая княгиня, предупрежденная вѣмъ-то подробно о всемъ, что ее тамъ ожидаетъ, держала себя при пышномъ и гордомъ византійскомъ дворѣ вполне съ достоинствомъ, подобающимъ ея сану,—очевидно, это доказываетъ рассказъ самого императора Константина Багрянороднаго, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „Великая княгиня изволила стоять въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока прочія княжескія особы не введены были церемоніймейстеромъ, и не поклонилась (какъ онѣ) императрицѣ до земли. Послѣ того, наклонивъ немного голову, сѣла она на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла“. (Извѣстія византійскихъ историковъ, въ 4-хъ частяхъ, Стриттера. Спб., 1770—1774 г.).

Арх. Л.

по Лаврентьевскому списку, изд. 1872 г., стр. 59). Самая индизказательная форма понадобилась лѣтописцу, кажется, для того, чтобы скрыть неудачу Ольги ¹⁾, представивъ ее, въ угоду народному преданію, столь мудрою, что она съумѣла „переключать Цесаря“ Какъ извѣстно, Константинъ Багрянородный въ своемъ описаніи пріема Ольги упоминаетъ и о ея духовникѣ, пресвитерѣ Григоріи, присутствіе котораго при великой княгинѣ, какъ легко догадаться, было не по вкусу грекамъ. А что „напась Григорій“, упоминаемый Константиномъ Багрянороднымъ, и болгарскій пресвитеръ Григорій-мнихъ, сотрудникъ болгарскаго царя Симеона-книголюбца, есть одно и то-же лицо, это доказано весьма обстоятельно въ сочиненіи князя М. Оболенскаго „Нѣсколько словъ о первоначальной русской лѣтописи“ (Москва, 1870 г.).

Болгарское происхожденіе великой княгини Ольги бросаетъ совершенно иной свѣтъ на отношеніе воинственнаго сына ея Святослава къ соплеменной ему Болгаріи; не столь удивительными покажутся теперь и слова Святослава, обращенныя имъ къ своей дружинѣ относительно Переяславца: „не хочу жить въ Кіевѣ, а въ Переяславцѣ (Болгарскомъ), ту бо среда земли моя“... и проч. Очевидно, что Святославъ, какъ болгаринъ по матери, пламенно желалъ владѣть этою страню не по слѣпой охотѣ къ завоеваніямъ и добычѣ, а потому, что полагалъ себя имѣющимъ на нее болѣе правъ, чѣмъ византійцы ²⁾. Планы Святослава не сбылись. Промыслъ Божій, готова тогдашнюю Русь къ инымъ высшимъ цѣлямъ, для которыхъ необходимъ былъ надолго миръ съ греками (тогда какъ начатая Святославомъ тяжба съ ними за Болгарію, наоборотъ, повела бы къ долговременной враждѣ), не

¹⁾ А что Ольга вернулась изъ Царяграда не совсѣмъ довольная гордымъ пріемомъ ея при цесарскомъ дворѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ та-же лѣтопись, приводя ея отвѣтъ цесарскимъ посламъ: „Скажите, что я пришлю ему дары и военную помощь, когда онъ постонть у меня въ Почайнѣ столько, сколько я стояла въ Судѣ (въ Золотомъ Рогѣ)“.

²⁾ Кто вѣроятно болгарскаго пресвитера Григорія могъ внушить Святославу мысль завоевать Болгарію не для грековъ, а для себя? Григорій оставилъ Болгарію, по смерти Симеона, когда Болгарія начала уже клониться къ упадку и многіе признаки указывали близкій конецъ ея. Чего не удалось Святославу, то сдѣлали греки. Покореніе Болгаріи, начатое ими Цимисхіемъ, довершено ими. Василіемъ Болгаробійцею въ 1018 году. Арх. Л.

допустилъ Святослава-язычника осуществить свои желанія. Дѣло, начатое мудрою Ольгою, суждено было довершить мудрому внуку ея Владиміру ¹⁾. Онъ, говоря словами лѣтописца XV вѣка (см. въ приложеніи),

„яко мудръ и смыслъ имѣя великъ, почя испытovati о вѣрѣхъ, и слыша греческую вѣру, яко свѣщу на свѣщницѣ, и вѣрова во Христа Бога истиннаго... крестися самъ въ Корсуни, и крести все множество люди въ Киевѣ“ (988 года).

Это приснопамятное событіе перенесло центръ тяжести всей нравственной и политической жизни русскаго государства на востокъ, въ область православной церкви.

Въ нынѣшнемъ 1888 году исполнится ровно 900 лѣтъ со времени крещенія Руси св. Владиміромъ. Еще не всѣ историческія веки, намѣченныя его державною рукою, пройдены святою Русью. Думы о семъ невольно приводятъ на память слова нашего вѣщаго поэта:

Еще лежитъ на небѣ мгла,
Еще густа ночная тьма,
Но живъ Господь—Онъ зваетъ сродъ,
И выйдетъ утро на востокъ!

Архимандритъ Леонидъ.

Іюнь 1888 г.
Тр.-Серг. лавра.

¹⁾ Замѣнимъ, что „ключница“ Ольги, Малуша, отъ которой Святославъ имѣлъ Владиміра, была также, по всѣмъ соображеніямъ, болгарка. Самое имя Малуша звучитъ чисто по славянски, даже Погодинъ не рѣшился искать происхожденіе его отъ какого либо норманскаго корня. Да и Ольга, вѣроятно, до замужества носила какое либо славянское имя, а Ольгою названа, какъ полагаютъ, въ честь Олега, сродича и опекуна ея мужа Игоря.

Арх. Д.

Приложеніе.

Отрывокъ древняго русскаго лѣтописца (Владимірскаго) второй половины XV вѣка
(862—1174 годъ).

Лѣтописецъ Русская земля:

Въ лѣто 63 (862) придоша Русь, Словены, Чюдь, Лопь, Кривичи к Варягомъ, и спросиша себѣ у нихъ властелей, и збращася три брата с роды своими: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Рюрикъ же сѣде на княженіе в Новѣ-городѣ, въ великомѣ, а Синеусъ на Белѣозерѣ, Труворъ же въ Изборскѣ. И по малѣ оумре Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ же роди Игоря, а самъ умре († 879), и приказа княженіе и сына своего Олгу сродичю своему. Игорь же бысть малъ еще. Сей же Олегъ (879—912) приде изъ Новагорода, дани и оброки оуставивая и всякъ радъ, и приде къ Смоленску и отъ Смоленска поиде съды водою, и пришедъ Кіевъ и оуби два князя Асколда и Диры, и начать княжити въ Кіевѣ съ Игоремъ.

Игоря же жени въ Болгарѣхъ, поятъ за него княжну именемъ Олгу. И бысть мудра велики. Сей же Олегъ ходилъ къ Цариграду в кораблехъ; они же оубояшеса, и даша ему дани и оброки уставы, и отъ тѣхъ мѣсть прозвася Кіевское княженье. Той бѣ Олегъ великъ и страшень и грозень велики былъ, понеже многи земли приведе ко граду Кіеву, и умре отъ коневы главы: изъ соухи кости вынивь змѣя и оужали его въ ногу († 912).

По немъ нача княжити Игорь и воева Деревскую землю, рекше Литвою. Иде пакы тамо въ малѣ дружинѣ и оубьенъ бысть отъ Дрєвланъ († 945), и остася у него сынъ Святославъ велики дѣтескъ. Княгини же его Ольга съ сыномъ своимъ (945—955) мсти кровь мужа своего, и князя оуби Мала именемъ и всю Литвою высѣче. Ся же великая княгиня Ольга приять крещеніе отъ царя и Патріарха (955) и наречена бысть Елена.

И начать княжити Святославъ (955—972) нарицаемы легкый: возъ по себѣ не возяше, ни поваръ, ни постель, но ики пардусъ скакаше со многу легкостью и бится съ греки оу Царяграда въ единой десяти тысяцахъ со стоми тысяща, и побѣди ихъ и имаше на Царяградѣ дань и ходя на Казары, убенъ бысть отъ печенегъ в порозѣхъ († 972), печенежски же князь именемъ Редега окова лобъ Святослава и написа кругъ его такъ: «чюжитъ ница и своя погуби, и пляше нмъ».

Святославъ же роди три сыны: Ольга, Ярополка, Владимѣра. Ярополкъ же

бится со Олгомъ близъ града, и побѣжъ Олегъ въ градъ и тѣснящимся на мосту и свалися въ ровъ и тамо оумре. Владимиръ же оубивъ Ярополка на ротѣ въ градѣ Роднѣ. Се же бысть первое братоубиеніе в роусьскихъ князехъ. Нача княжити Владимиръ (980—1015) и бяше мудръ и смыслъ ниѣя великъ, поча испытovati о вѣрехъ, и слыша Греческоюу вѣроу, яко свѣщоу на свѣщницѣ, и вѣрови во Христа Бога истиннаго, и поя за себѣ Царевну Анну, сестроу Царя Василья и Константина. Отъ сея же роди Бориса и Глѣба, а отъ Рогнѣды княгини роди Ярослава, Изяслава, Мьстислава, Всеволода, а отъ Ярополчи жены роди: Святополка, Вышеслава, Изяслава, а отъ нныя княгини роди: Святослава, Судислава, Станислава, Позвизда. Яко же крестися самъ в Корсуни (988) и крести все множество люди в Киевѣ, приде изъ Царяграда Митрополитъ Леонъ, и дасть Владимиръ церкви, отъ всего своего живота десятое, и оуряди весь оуоставъ въ Киевѣ.

Примѣчаніе. Лѣтописецъ, какъ видно изъ «Родословца», который онъ начиняется въ рукописи, написанъ въ княженъе великаго князя Іоанна III Васильевича (1462—1505), при жизни сына его Ивана Іваловича Младого († 1490).

Нѣкоторыя изъ событій времени, объемлемаго этииъ лѣтописцемъ, описаны отачно отъ повѣсти временныхъ лѣтъ, и представляютъ варианты, замѣчательные для историка, какъ отголосокъ народныхъ преданій,—таковы, напримеръ: происхожденіе великой княгини Ольги изъ Болгаріи, названіе Деревской земли Литвою (двукратно повторенное) и прозваніе великаго князя Святослава «легкимъ», зане, яко пардусъ скакаше, и надпись, сдѣланная печенежскимъ княземъ на чашѣ изъ черепа Святослава.

Въ лѣтописцѣ обращено особое вниманіе на городъ Владимиръ и его святыни, почему мы и полагаемъ, что это отрывокъ Владимірскаго лѣтописца, и прибавимъ—отрывокъ весьма любопытный.

Арх. Л.